

ОДИССЕЯ ПОЛКОВНИКА МЕДСЛУЖБЫ

Войну Дмитрий Афанасьевич провел за операционным столом. Вернее сказать, их было много: одиссея Корзина пролегла через Москву, Ленинград, Минск, Смоленск, Калугу... Корзин не понаслышке знал о страшных днях отступления и голоде в блокадные дни Ленинграда, мерзавцах, наживавшихся на чужом горе, и людях с чистой совестью.

Долгие годы Дмитрий Афанасьевич возглавлял хирургическое отделение в Ярославском гарнизонном госпитале.

ПАПА СЕНКЕВИЧА

В 1936 году Дмитрий Корзин, окончив в Ярославле школу имени Подвойского, поступил в Военно-медицинскую академию в Ленинграде.

— Был сталинским стипендиатом, — вспоминает Дмитрий Афанасьевич. И быть бы полковнику медицинской службы сегодня если не академиком, то профессором, но жизнь распорядилась иначе.

— Мне на второй день войны было суждено отправиться на фронт. Место службы — Центральное направление, район Минска.

Распределили Корзина старшим врачом танкового полка. Полк отступал от границы с боями. Был сильно потрепан. В конце июня оказались в Калуге. И началась неразбериха. Дивизию переформировали, но трем врачам приказано было прибыть в Ленинград, откуда месяц назад Корзин уехал. Но состав застрял под Бологим. Пути разбомбили фашисты.

— Штаб 8-й армии находился в Таллине. Мои спутники отбыли туда. Я, как выяснилось, был крайне необходим на сортировке раненых, которые прибывали нескончаемым потоком. Это спасло мне жизнь. Вскоре Таллин был отрезан. 8-я армия попала в мешок.

...В январе сорок второго санитарный фронт решил в Лебяжьем организовать госпиталь на тысячу коек. Старшим хирургом назначили Сенкевича. Затем Александр Осипович стал начальником. Сдружились, жили в одной комнате. Разве я мог знать тогда, что этот кристально честный и порядочный человек вырастет до начальника медслужбы Военно-медицинской академии, а мне предстоит замолвить слово за его сына Юру при поступлении того в одну серьезную организацию. Что он станет известным телеведущим, участником экспедиции Тура Хейердала. А с Александром Осиповичем мы дружили вплоть до его смерти.

ГОЛОД — НАЗВАНЬЕ ЕМУ

До января сорок четвертого жизнь военврача Корзина мало чем отличалась от судьбы блокадников. Последний раз поел досыта 8 ноября сорок первого года, в свой день рождения. Хотя в армии получали 300 граммов хлеба и приварок: воду с крупой да манную кашу на блюдецке, к январю сорок второго Корзин был истощен.

Редкие случаи, когда удавалось поесть, запомнились на всю жизнь: лечил начальника службы тыла от гонореи, а тот привез с собой царскую еду — буханку мягкого белого хлеба и три плитки шоколада.

— И все же наше положение не сравнить с голодом, на который были обречены блокадники. Расскажу об одной страшной картине, — говорит Корзин. — Как-то выехал в очередную командировку в Ленинград. По пути к месту назначения решил пройти по улице Толмачева. Подхожу к

одному из домов, смотрю, на подоконнике лежит труп, девочка лет четырнадцати — одни кости и огромная коса.

Захожу в магазин, где раньше находилась булочная. На полке четыре буханки черного хлеба. В зале три человека: женщина, закутанный в шаль ребенок и мужчина. На нем дорогое пальто с меховым воротником, но уже изрядно поношенное, как и его владелец. Одежда висит на исхудавшем теле, как на вешалке.

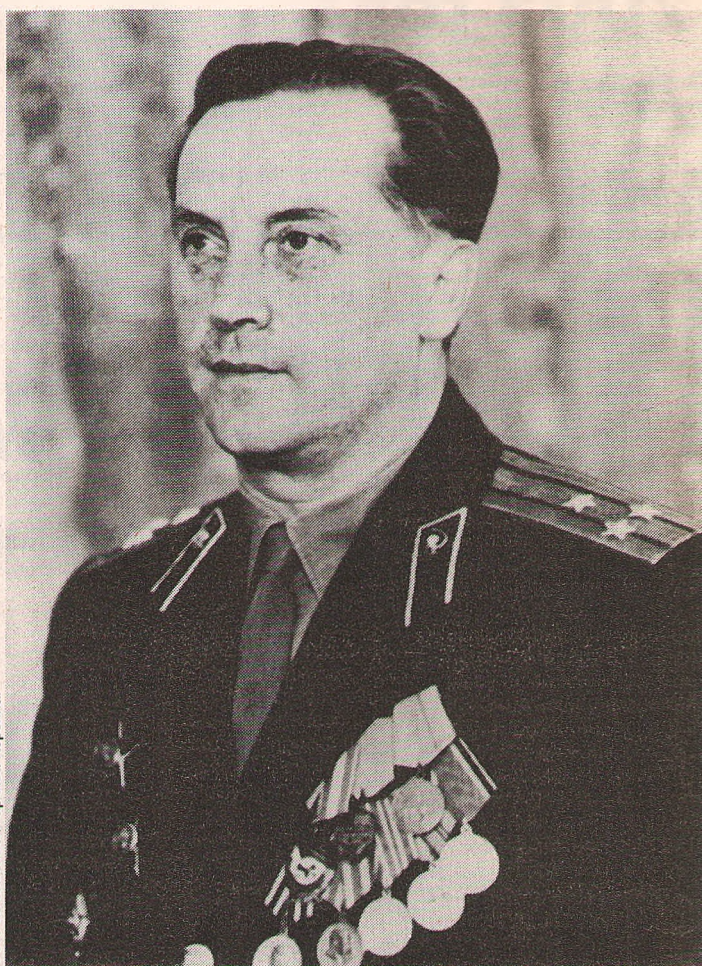
Когда продавщица отрезала по сто двадцать пять граммов женщине и девочке, пришлось добавить к ним маленький довесок. При таком мизерном весе хлеба кусочков иногда отрезалось несколько.

И в этот момент интеллигентный мужчина хватается довесок, сует в рот и кричит: «Бейте меня, бейте! Я негодяй. Но я не могу больше!..» Мне, повидавшему во время операции всякое, стало плохо, и я выскочил из магазина, запомнив на всю жизнь, что может сделать голод с человеком.

Иду под впечатлением только что увиденного в магазине. Слышу, окликают: «Дима!» Знакомая по весне сорок первого года. Кругленькая, губки подкрашены — лицо сытого человека. «Мою квартиру разбомбили, — говорит, — я живу поблизости, с мамой».

И ведет к тому самому дому, где лежит мертвая девочка. Квартира на первом этаже. Тепло, что в промерзшем городе крайняя редкость. Мама хлопочет на кухне. Накрывают на стол.

Полковник медицинской службы Д. А. КОРЗИН с А. О. СЕНКЕВИЧЕМ. 1942 г., Ленинградский фронт.

фото из семейного архива Корзина.

ется женщина, закутанная по глаза в платок. С трудом в исхудавшем лице узнаю черты преподавательницы немецкого языка, у которой учился в академии. Все эвакуировались в Самарканд, она осталась. Не предполагала, что будет блокада.

Стал судорожно искать в карманах остатки сухого пайка. Сунул женщине несколько кусочков сахара, галету. В ее глазах стояли слезы... Позже узнал, что она умерла. Мой сахар ее не спас.

МИНУТА ДО ВЫСТРЕЛА

— Когда фашисты отрезали Таллин, спокойно жить не довелось и нам, оставшимся в медсанбате, приходилось часто менять места дислокации.

Нашли здание, где раньше располагалась морская пехота. Лучшего места для медсанбата не придумать. Но как туда добраться? В те дни никто не мог толком сказать, где наши, где немцы. Поэтому двигались осторожно. В кузове каждой автомашины автоматчики. Я ехал в кабине первого грузовика, сверяясь с картой. Путь лежал на так называемую заставу.

Стемнело. Вдруг навстречу камуфлированная машина. Вот вот врежется в нас. Расцветка как у фрицев. Встала. Из нее вылезает кто-то с незнакомыми золотистыми нашивками, за ним еще и еще...

Кто здесь может быть? Только немцы. Мигом достаю пистолет, готовлю к стрельбе. Автоматчик проделал то же самое. Подходят ближе. Мать честная! Командующий Военно-Морским Флотом СССР Н. Г. Кузнецов с охраной.

А меня бьет нервная дрожь. Еще минута, и мы бы застрелили адмирала флота. Как выяснилось, на заставе у него был командный пункт.

НА ГРАНИ ГИБЕЛИ

— Моряков из 55-й бригады морской пехоты, оборонявшей Ораниенбаумский плацдарм, фашисты называли «черной смертью», — вспоминает Корзин. — Во время разведки они захва-

тили трех фрицев, ехавших на мотоцикле: обер-лейтенанта, ефрейтора, видимо денщика, и водителя. При пленении их обстреляли.

Немцев ждали в разведывании фронта в Ленинграде. После оказания медпомощи (они были ранены) меня и старшину из СМЕРШа отправили с ними в Ленинград.

Погрузились в баржу, забитую ящиками с боеприпасами, орудиями и солдатами артдивизиона. Тянул нас за собой хилый буксир. Его подали ночью. До рассвета он дошел до траверса Петергофа. Мало того что был встречный ветер и нас сносило назад, так фашисты поставили орудия на прямую наводку и раздолбили баржу. Стало заливать трюм. Вспыхнул пожар. Появились раненые. Хотя буксир не обстреливали, там обрубили конец и бросили баржу на произвол судьбы.

Вскоре она села на мель. Люди стали прыгать с палубы и спасаться вплавь. Вдруг появился катер с пулеметом. Ну, думаю, сейчас положит всех. На счастье, катер оказался нашим. Меня, старшину и фрицев моряки взяли на борт — и в Питер!

Оказались мы в Центральном парке культуры и отдыха имени Кирова у моряков. Те дали автомашину, и старшина увез пленных. Обрато доставили те же морячки. Когда в порту выписывали документы, я спросил про команду буксира. «А их расстреляли», — был ответ.

ВСТРЕЧА

С ВАСИЛИЕМ СТАЛИНЫМ

— В сорок седьмом году отбирали на два года учебы в клинику профессора Куприянова Военно-медицинской академии Ленинграда, — рассказывает Дмитрий Афанасьевич. — Выпускники после окончания учебы получали престижные должности.

Помню, приехал распределить генерал Волынкин. Посмотрел мое личное дело. И говорит ласково: «Мы вас будем рекомендовать в столицу. Армейским хирургом войск ПВО Московского военного округа. Вы знаете, что ими командует генерал-лейтенант Василий Сталин? В понедельник отправитесь туда и представитесь команду ющему».

Смотрю, стоит группа генералов. Василий что-то им объясняет. Полковник доложил о моем прибытии. Генерал поздоровался, извинился, что сейчас не сможет поговорить, поскольку уезжает в войска. Дает команду полковнику: «Устроить доктора. Через семь — десять дней я вернусь. Встретимся». Но не суждено было.

— Очень хотел побывать дома, в Ярославле. Меня отпустили. Приезжаю домой, и вдруг...

Еще в академии у Корзина началось язвенное кровотечение. И тут случилось что-то похожее. Положили в гарнизонный госпиталь.

— Дали в Москву телеграмму, что такой-то не может явиться. Больше там я и не был. Может, к лучшему. Узнал я потом, что человек, оказавшийся на этой должности, через два года спился.

Мы провели с Дмитрием Афанасьевичем несколько незабываемых часов. Рассказать ветерану было о чем. Об одном умолчал скромный человек — о наградах. У него два ордена Красной Звезды, ордена Боевого Красного Знамени и Великой Отечественной войны и медали.

Владимир ШИРЯЕВ